

ВРЕМЕНА ГОДА

Черная осень

Красная зима

Белая весна

Золотое лето

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
←+→ ←+→
ВРЕМЕНА ГОДА
БЕЛАЯ
ВЕСНА
⊙+▷ ◁+⊙

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Времена года. Белая весна / Галина Гончарова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. — (Колдовские миры)..

ISBN 9978-5-04-159322-3

Яна продолжает свое путешествие. Сына она нашла, замечательно. Теперь надо вывезти ребенка из разоренной войной Русины, надо найти для него друзей, сопровождающих, опекуна, безопасное место... хочется очень многого. Но получится ли?

В условиях гражданской войны, когда брат идет на брата и войска немногих верных императору рвутся к столице, когда нельзя доверять никому, когда человеческая жизнь становится дешевле куска хлеба... Главное — выжить и сберечь детей. Задача нетривиальная, но Яна справляется, и даже то, что в ней опознали императрицу, не помешает.

Свои беды и горести есть и у Анны. У нее угрожают отобрать ребенка. Воспитанница постоянно влипает в неприятности. Да и любовь... ох уж эта любовь, которая обрушилась, завертела, закружила... и так хочется кусочек простого человеческого счастья!

А время, данное Хеллой, уже на исходе...

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-159322-3

© Гончарова Г.Д., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

*Женищина там на горе сидела.
Ворожила над травами сонными...
Ты не слыхала? Что шелестело?*¹

Аделаида Герцык. «Весна»

Яна, Русина. Синедольск

План писали на бумаге, но забыли про детей. А те быстро перевели оную бумагу в туалетную. Судьба такая.

Когда у тебя на руках четверо малышей, когда ты женищина, когда ты находишься в городе, а город в стране, охваченной революцией... да и с деньгами у тебя не так чтобы очень и весело. Нет у Яны миллионов и не... ладно. Были. Но фамильные драгоценности она сама отправила с сестренкой и сейчас даже гадать не станет, где они все находятся.

А деньги...

Деньги таяли.

Вы знаете, сколько стоят продукты?

Скоро за паршивую курицу будут сотню драть бумажками, и то — не достать. Золотом, понятно, меньше, но тут есть еще одна тонкость. Та самая, от которой погибла несчастная Аксинья.

Женищина. Деньги. Смутное время.

Дальше — объяснять или дураков нет? То-то и оно, что грязи много лезет. Яна подумала, да и договорилась с трактирщиком, что будет к нему пару раз в день приходить за продуктами.

¹ Все названия глав взяты из стихотворения Аделаиды Герцык «Весна». (Прим. авт.)

Когда?

А это уж она сама скажет, чтобы не примелькаться, в одно и то же время. И все равно...

Жить в трактире? Матвей предлагал, но Яна не решилась. Четверо. Детей.

Трое — маленьких. Подвижных. У которых только на время болезни есть определенные проблемы, а так... шилохвостики! И нет иного слова!

Это нереально. Она за ними уследить не сможет и уберечь тоже не сможет. Это трактир, а не монастырь... хотя в монастыре она тоже побывала. Хватит нам таких радостей! Только закрытая территория! Своя!

А насчет стресса она чуточку ошиблась.

Сначала заболел Гошка. И провалялся в кровати чуть не десять дней. Яна строго следила за состоянием сына. А как тут иначе? До антибиотиков — как до мирного времени, далеко и долго, а Хелла... она вообще не по лечебной части. Были у Яны подозрения, что если она у сына болячку запустит, так ей никакая богиня не поможет. А еще догонит и добавит. И права будет.

Что ей стоит выдержать сына в кровати подольше? Чтобы все симптомы ушли, в том числе и кашель? Тяжелый, нутряной, выматывающий...

В таком состоянии она мальчишку никуда не повезет, это ясно. Зима... загнется же на дороге! А у нее другая цель! Так что дней десять Гошка лежал. А когда Яна порадовалась, что ему можно хотя бы по дому бегать (в теплом свитере и шерстяных носочках), свалились на пару Мишка и Машка. Где-то она не уследила.

Или инфекция какая?

Все возможно, здесь и сейчас не определить. Анализ крови нужен, а кто его сделает? Доктора найти можно, но... Яна тупо боялась вести его в дом, к детям. По той же печальной причине.

Она знала, что творилось в России в девяностые. Чтобы врач спокойно практиковал в тяжелые сложные времена, ему что нужно? Правильно, крыша.

Не та, что на доме, а та, что поможет, охрану предоставит, защитит... ну и посмотрит, кто пришел, чем отблагодарил...

Поэтому Яна плюнула и положилась на свои знания. Лес же! Кордон! Фитотерапия? Да, практически — это наше все. Чабрец, душица, лишайник, который пармелия, зверобой, лист малины и земляники...

Ненаучно? Скушай, деточка, таблеточку?

Ага... к Янинному отцу на кордон за барсучьим жиром приезжали. И платили золотом по весу. И так платили, сколько Петр просил, хоть он и не жадничал. Один из мужчин для матери брал, говорил, что только это и помогло. А Петру все было в радость. Ему и траву было запасти несложно, Яна еще и охотно помогала, и засушить правильно — это тоже важно! А то скосят лопух косой, чуть ли не под забором, а потом плачутся!

Чтобы трава помогала, думать надо! У нее есть свое время сбора, свой срок, свои правила, и сушить ее надо по-разному, и употреблять тоже... на все умение нужно!

У Яны оно было. Барсучьего жира она, конечно, здесь не нашла, пришлось гусиным обходиться, ну так хоть что-то!

Настойки, отвары, мази...

На ноги она детей поставила, заодно и Топычу для профилактики досталось фитотерапии, но времени прошло... едва не месяц! А может, и к лучшему. В не испорченной промышленностью и демократией Русине погода разыгралась не на шутку. Кружило, пуржило, выюжило... и сугробы навалило до второго этажа, без всякой экологической катастрофы!

Ехать куда-то?

Яна и одна бы по такой погоде не рискнула. Сугробы были — неубиваемые и непобедимые, по улице не пройдемшь, только с лопатой наперевес! На первом этаже даже днем темновато было. Да оно и к лучшему, пожалуй. Те окна, что во двор, Яна отчистила, там дети и играли. А так...

Через такой снег никто лишних огоньков не увидит, даже если поймут, что дом жилой... не поймут ни кто живет, ни сколько человек внутри. А значит, и не полезут.

В логике шакалам смутного времени тоже отказать нельзя. Ни один отморозок не полезет в клетку, не зная, кто его ждет.

Мышь? Корова? Крокодил? Голодный ягуар, приветливо облизывающийся на твою печенку? Проверять — себе дороже, лучше поискать добычу попроще и полегче. Себе по зубам.

Хотя учить детей законной самозащите Яна уже начала. И начала с простенькой игры: ножички. Расчертил круг, кинул нож, если тот воткнулся — отсекаешь у соперника кусок территории. Упал? Пропуск хода...

Яна под это дело целую комнату выделила. И плевать на деревянный пол! Ей здесь не век вековать! А ножи...

Пусть учатся.

Под присмотром Топыча, под приглядом самой Яны, но учатся. Потому как поди метни нож — правильно.

А еще праща и мишени, нарисованные на стене. И приз за лучшее попадание.

Города, скамейки, бабки-дедки, танчики...¹

А морской бой с ножиками? А футбол с ними же?

Дети были счастливы. Дети были заняты. Яна была довольна. И энергия расходуется, и по делу, не просто так... Машка крутилась рядом с ней на кухне, спрашивала про травы, потом опять удирала играть с мальчиками. Раньше не давали, а так интересно было! И никакого вышивания!

Зато сказки по вечерам! И какие!!!

Дети слушали, открыв рты. Уж что-что, а книг Яна прочитала достаточно, сериалы смотрела, было о чем поведать малышам. Скука их не мучила, одного Льюиса с его Нарнией можно было год рассказывать. А вот безденежье...

Потому и стояла сейчас Яна на темной улице. И ждала подходящего момента. А началось это дело незаконное с самого обычного разговора.

¹ Возможно, у кого-то игры в ножички назывались иначе. Автор не претендует, но в детстве — обожала! С полного разрешения родителей. (Прим. авт.)

* * *

— Благодарствую, Матвей Игнатьевич.

— Что вы, тора, это я вам благодарен. По нашим-то тяжким временам...

Яна вздохнула:

— И то верно. Может, скоро и ходить к вам не смогу.

— Деньги, тора?

— Деньги.

Матвей возвел глаза к небу:

— Да, тора, в страшное время мы живем. Когда у благородных людей последние медяки заканчиваются, а всякая мразь жирует да еще пальцы облизывает.

Яна подняла брови:

— Это ты про Комитет Освобождения? Или кого поближе нашел?

Дело нехитрое, если человек заводит разговор в духе: «это не вы, а обстоятельства», значит, у него и имя есть, и адрес, и даже подробности о личной жизни «обстоятельства». Это в любые времена так.

— Чего там искать, тора. Есть в Синедольске такой... Поганец.

— Это имя или прозвище?

— По имени-то он уважаемый Егор Михайлович, а вот по фамилии и впрямь — Поганец. Нарекли их род, значит, и не промахнулись.

— И что?

— Вот он долю малую собирает. Где с трактиров, где с чего...

Предок рэкета? Крышуем за деньги, несогласным вырываем фундамент по самый чердак?

Яна прищурилась:

— Матвей Игнатьевич, ты ведь не просто так этот разговор завел?

— Нет, не просто так, тора. Не хотите наверх подняться, по кружечке сбитня выпить?

- Кроватыми поскрипеть? — прищурилась Яна.
- А хоть бы и ими...
- Пожалуй, можно...

* * *

Понятно, никаких сексуальных отношений между Яной и трактирщиком как не было, так и не было. Но уж больно прикрытие хорошее.

Уединились баба с мужиком? А зачем?

Подходит кто к двери, а оттуда и слышно, как кровать поскрипывает. Ну... понятное дело. Житейское.

Разговоры?

Да помилуйте, кто ж с бабой о делах разговаривает? Она ж БАБА!

Яна идеалы феминизма отстаивать не собиралась. Ей эта бредятина даром не нужна была! Сначала феминизм, а потом шпалы укладывать и асфальт? Разбежалась!

Поэтому — да, она баба! Тупая и глупая. И хорошо разбирается только в том, как картошку варить. А шпалы пусть умный мужчина укладывает.

В небольшой комнатке было чисто и уютно. Яна уселась на кровати и принялась ею поскрипывать. Жом Матвей устроился рядом, на стуле.

- Тора Яна, плохие времена наступают. Черные.
- Согласна. Уже наступили. На... это самое.
- В такие времена без денег плохо.
- В любые времена без денег плохо.
- Кому плохо, а кто и сейчас не бедствует. Вот этот самый Поганец. Ему с каждого трактира, с каждой лавочки долю несут. Небольшую, я пару серебряных в десять дней плачу, а только трактиров много. И лавочек много. Так вот и набирается не одна сотня в месяц.

— А тебе откуда это известно? Да еще в подробностях? Неужто он тебя с попом перепутал и исповедался?

Жом Матвей насмешки и не заметил.

— Не мне, тора. Племяшка у меня, Сонька. Девка красивая, да не шибко везучая. Муж был, да зимой в полынью по-

пал, поморозился. А бабе без мужика хозяйство поднять, что петуху на колокольню взлететь. Хотя все перья оставь — не получится.

— А ты не помог, что ли?

— Обижаете, тора. Я ей говорил, приходи, к себе возьму, а как обтешешься, в хороший дом пристрою.

— И пристроил?

— Если бы... у меня в трактире ее Кабан увидел.

— Кто?!

— Он дань для Поганца собирает.

— Ага... Потребовал приложить чего-нибудь к дани? Кого-нибудь?

— Сонька гулящей не была. Но иногда случалось... жизнь такая.

Яна кивнула.

Бывает. Здоровье — оно в любом мире здоровье. И молодое тело своего требует, что ж теперь — монашкой жить? Вдова — это не покойник, ей много чего надо!

— И с Кабаном случилось? По доброй воле?

— Почти что по доброй. Он предложил, а она отказываться не стала. Чего, мол, ломаться, не сотрется. Я Соньке говорил: уходи, а ей вот красивой жизни захотелось. Расстаралась племянка, попала сначала к Кабану, от него к Поганцу...

— А потом?.. — догадалась Яна.

Чего уж там, и не такие истории слышала.

— А потом пропала. Как не бывало. Но про Поганца рассказать успела. И что на красивых баб он падок. И что деньги ему привозят, а уж он в конце месяца их в банк относит...

Яна задумалась.

— Считай, конец января на носу...

— У него и без денег, наверное, поживиться можно. В доме сам Поганец, двое слуг да двое охранников.

— Слуги?

— Муж да жена. Она кухарит да убирает, он по хозяйству всякое разное делает.

— Понятно. Все, кроме одного: с чего ты мне это рассказываешь.

Темные глаза Матвея сверкнули тяжелой, неизбывной яростью. Из тех, что и за сто лет не потухнет, и за двести не рассеется. Такую и смерть не закроет.

— Сонька хоть и дура, а все ж... двое детей сиротами остались.

— На тебе?

— Ейная мамаша, моя сестрица, их забрала, а все одно, без мамки несладко. И я в том виноват.

— Ага, ты ее в постель подкладывал.

— Не я. Но убивать все ж не стоило.

Яна вздохнула.

А то у них такого не бывало. Как вообразит себя очередная метелка невероятной красавицей да умницей, так и вяляется. По уши. Сколько таких красивых по лесу находили... подснежники называются. На Янином счету три штуки было...

Как по ним потом родные убиваются...

Зато пожилы красиво. Месяца два. Или даже полгода. Дуры.

— А от меня ты что хочешь?

— Половину, тора. Сведения мои.

— А риск мой. Там может больше людей оказаться...

— Без меня вы о том никогда не узнаете, ни дома, ни адреса...

Яна вздохнула.

Тоже верно.

— А еще... — Матвей улыбнулся краешком губ. — Говорят, у Поганца возок есть хороший! И кони что ветер. Сейчас они дороже золота.

Все.

Ради такой информации Яна готова была продаваться.

Возок! Фактически — карета на полозьях!

Она может погрузить всех своих обормотиков! Может погрузить запас продуктов. А лошадь...

Справится. Обязана. Ну и с Топычем посоветуется.

— Дай мне время подумать, Матвей.

— Месяц на исходе, тора.
— Авось до завтра не закончится.
— И то верно. Ежели что — за байки головой не платят...

Платят, вообще-то. Но Яна не стала заострять на этом внимание. Поскрипела еще немного кроватью, расстегнула пару пуговичек, попрощалась, да и пошла себе.

Чтобы дома поговорить с Топычем.

* * *

— Возок? Яна, это ж...
— Лошадь. Топыч, лошадь...
— А что с ней не так?
— Ты сможешь ее запрячь?
— Ну да... Чего там не смочь?
— А что надо лошади на день пути? Что она жрать будет?
— Энто... овес, сено...
— Энто — сколько в килограммах?
— Чего?

Яна вздохнула.

Как-то не сильно она с лошадьми возилась. Да, бывало и такое на кордоне, но не слишком часто — «уазик» был куда как удобнее. И не гадил.

Совместными усилиями выяснилось, что лошади на день надо примерно двадцать — двадцать пять килограммов корма. Примерно пять кило овса, вдвое больше сена, а то и втрое, как работать будет, по паре килограммов отрубей и моркови. Соль нужна, вода нужна...

Воду придется топить в ведре, на костре. Потому как пьет взрослая лошадь до восьмидесяти литров в день. Воды, не водки.

Лошади нужно отдыхать — и кратко, и длительно. Лошадь нужно вываживать. Зимой, правда, лошадь пьет меньше. Но все равно — возня.

Это на картинах все так красиво и вальяжно, а в жизни... она еще и гадит. И растирать ее надо, и накрывать на ночь. Но выбора все равно нет.

Или они пробуют выбраться из города и добраться до деда Мишки и Машки, или...

Еще не факт, кстати, что Федор Михайлович Меншиков не уехал. Что дождется их...

Что им повезет...

Марфа, конечно, говорила, что отец ждет. Ну так... сроки-то все, небось, прошли! Прохор и свою семью погубил, и ей хомут на шею нашел... ладно! Что Мишка, что Машка — два солнышка. Ради таких и задержаться не жалко, Яна б себе в жизни не простила, пройди она мимо. Но их отца это ни капельки не оправдывало.

Топыч был настроен вполне уверенно, фуражом Яна собиралась разжиться в доме у Поганца, там и в сани погрузить. Вот как коня запрячь...

Черт его знает! Но есть другой вариант. Если все складывается — рысью за Топычем, а уж с ним и запрягать, и все остальное...

Яна отлично понимала, что если они возьмут этот куш... уходить придется сразу. И быстро. Разве что трактирщику его долю завезти.

Матвея тоже понять можно: Яна для него идеальный вариант. Крови не боится, одиночка, мало того, скоро из города вовсе уйдет, никто и не узнает от нее ничего.

Кстати, о Матвее...

Яна почесала кончик носа и решила навеститься к Матвею за маленьким мастер-классом. А чего?

Пусть он ее научит, как правильно запрягать лошадь! Вот и решится проблема, и за Топычем бегать не надо будет.

* * *

Лошадь Яна запрягала раз двадцать. Потом поняла, что не запутается во всей этой сбруе, и выдохнула. Теперь она не перепутает чересседельник с седелкой, а шлею с трензелем. Который, кстати, надо согреть в ладонях, а то железо холодное, а рот у лошади нежный.

Тьфу, блин!

Зачет по философии получить легче, чем лошадь заседлать! А еще эта коняга любит брюхо надувать. А этого никак нельзя делать, сбруя свалится...

А еще лошадь лягается, кусается (больно) и толкается крупом (пóпом! Исподтишка!!!). Скотина! Еще и на ногу наступить норовит...

Определенно, Яна не любила лошадей.

А сейчас стояла, смотрела на симпатичный такой домик в два этажа, крепенький, каменный, на основательном (еще три этажа надстрой — выдержит!) фундаменте, и думала, что ломиться в ворота плохая идея. И лезть через забор — тоже. Там во дворе три собаки. Здоровущие...

Можно перетравить, но жалко. Сонного зелья подсыпать? Так пока еще подействует, дурак не всполошится...

А если...

Идея была шальной и дурной, но почему бы ей не сработать? Ежели что?

И Яна закопалась в барахло, которое было в доме.

Вот когда настала пора вспомнить добрым матерным словом троих бандитов. Вещи, которые они напакалили, Яна как в одной из комнат свалила, так и забыла. А там было кое-что нужное. Ей.

Крытая шубка, в самый раз.

Ну и шмотки кое-какие... юбка точно была... была велика раза в два. Яна плюнула, пробила ее дырками и утянула ремнем. Ушивать?

Идите вы, граждане! Она потом эту юбку Топычу отдаст! Лошадь укрывать! Принципиально!!!

Шитье она терпеть не могла. Но для первой стадии операции необходим был приличный внешний вид.

* * *

Собаки беспокоились.

— Канава, поди выйди? Глянь, чего твои шавки бесятся?

Бандит с лирическим прозвищем Канава, в девичестве — Фролка, лениво зевнул.